

Друг

из Тьмы

ЛИНЬ ВЭЙ

Линь Вэй

Друг из тьмы

<https://litres.ru/74167149>

SelfPub; 2026

Аннотация

Он не знал, что такое тепло, пока слепой заклинатель не вытащил его из реки. Линь Юй не спросил, кто он. Сюэ Лэн, привыкший к тьме, впервые почувствовал свет — и захотел оставить его себе навсегда. Линь Юй не знает, кого приютил. Сюэ Лэн сделает всё, чтобы его тайна никогда не раскрылась.

Первая книга цикла, в следующих книгах будет дальнейшее развитие событий. Повесть использует знакомые жанровые элементы, но рассказывает свою историю. Вместо реинкарнаций и пафосного возмездия — камерная драма, психология и токсичная привязанность. Это не стилизация под восточную прозу, а современная психологическая драма в азиатском антураже.

Содержание

Мир глазами Сюэ Лэна	4
Пролог. Танхулу	6
Глава 1. Опустошённый	10
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Линь Вэй

Друг из тьмы

Мир глазами Сюэ Лэна

Мир, в котором он выживал, звался Поднебесной. Красивое имя для грязной свалки.

Люди здесь делились на две породы. Первая — обычные: крестьяне, торговцы, ремесленники. Они пахали, торговали, плодились и дохли от болезней, голода или чужой жестокости. Вторая — заклинатели. Те, кому повезло родиться с даром управлять духовной энергией, ци.

Эти счастливичики летали на мечях, изгоняли демонов и мнили себя хозяевами жизни. Их объединяли в ордена и кланы — могучие организации, делившие земли, ресурсы и власть.

Дар бывал разным.

Светлая ци текла в тех, кто от природы склонен к исцелению, защите, очищению. Их учили в праведных орденах: подавлять тёмные импульсы, следовать уставам, служить людям. Красивые слова. Сюэ Лэн знал, чего они стоят.

Тёмная ци доставалась другим. Она не делала человека злодеем, но требовала контроля. Без обучения вырывалась наружу — болезнью, порчей, смертью. Демонические секты

учили потакать этой силе, использовать её для власти и разрушения.

А были те, кто стоял посередине. Ордена, которые на словах боролись со злом, а на деле использовали тёмные техники, прикрываясь «высшей целью». Заклинателей, отказавшихся подчиняться, объявляли изгоями и травили. Одиночек, осмелившихся действовать вне системы, карали без суда.

Сюэ Лэн знал этот мир с изнанки. Знал, что светлые ордена ничем не лучше тёмных — просто у них лучше получалось врать. Знал, что правят здесь не истина и не справедливость, а сила и связи. И давно перестал ждать от этого мира чего-то, кроме удара в спину.

Пролог. Танхулу

До того, как его схватили, он стоял у прилавка с танхулу и смотрел на леденцы. Он не собирался воровать открыто — знал, что за это быют. Просто смотрел и глотал слюну.

— Эй, малец, хочешь заработать? — раздался голос сбоку.

Он обернулся. Мужчина в тёмном ханьфу смотрел на него серьезно и по-деловому.

— Тут за углом лавка, хозяин просил перетащить мешки с мукой. Поможешь, получишь танхулу. Идёт?

Уличное чутье царапнуло: почему работу предлагают ему, уличному оборвышу, а не кому-то из своих? Но под ложечкой сосало, а перед глазами вставали леденцы — кисло-сладкие, хрустящие, недостижимые. «Я заработаю сам», — подумал он, цепляясь за эту мысль.

Он кивнул. Мужчина махнул рукой: «Тут недалеко. Пойдём», — и свернул в узкий переулок. Он свернул следом. Сделал шаг, другой. Остановился. Что-то было не так. Слишком тихо, слишком пусто в переулке. Он уже хотел развернуться и бежать, но чужая тяжёлая рука легла на плечо.

— Попался, воришка, — хохотнул грубый голос. — Глазел на сладости. Небось, украсть хотел.

— Тащите его в подвал, — равнодушно бросил другой. — Я научу его не зариться на чужое.

Он вырывался, извивался, вцепился зубами в чьё-то запястье. Кто-то охнул, но хватку не ослабил. Он дёрнулся, извернулся и что было сил врезал локтем в бок тому, кто держал его за плечо. В ответ послышалась сдавленная ругань. Кто-то зашипел:

— Да усмирите вы этого мелкого гадёныша!

Он плюнул в сторону голоса — не важно, попал или нет, — и замер, тяжело дыша. Руки и ноги болели от того, как его скручивали, но он не заплакал. Он знал: слёзы не помогут. Поможет только злость. Острая, как щепка, которой он когда-то отбивался на свалке.

Он помнил пять или шесть зим — выходит, ему было лет восемь, может десять. Он давно сбился со счёта. И он уже усвоил несколько вещей. Сильные всегда делают больно слабым. Если ты слабее — беги. Не можешь убежать — дерись до конца. Бей первым, бей туда, где больнее, и никогда не показывай страх. Станешь сильнее других — тебе не посмеют причинить боль.

Он не помнил матери. Только тёплые руки — или это принилось когда-то, в первую голодную зиму? Но где-то жила надежда, что мир может быть другим.

В подвале это чувство умерло.

Его швырнули на каменную плиту, четверо взрослых прижали руки и ноги. Кто-то провёл над ним амулетом — старым, потемневшим, с тусклой искрой внутри. Искра вспыхнула ярко, на мгновение осветив лица.

— Сильный, — произнёс тот, что держал амулет. — Очень сильный. Господин Су Мин захочет на него взглянуть. Но сначала — проверим, как поведут себя меридианы. Если перегорят — туда и дорога. Если нет...

Он не договорил. Но Сюэ Лэн, даже сквозь боль, запомнил это имя.

Потом — шипение. Запах палёной плоти. И боль, какой он не знал никогда.

Он кричал. Бился, но четверо держали крепко, а пятый методично прижигал точки на его руке — одну за другой. Боль не утихала, она нарастала, растекалась по телу, выжигала что-то внутри, о чём он даже не подозревал.

— Записывай: реакция на перекрытие — ярко выраженная, — бросил тот, с железом, кому-то в сторону. — Меридианы деградируют, но не полностью. Остаточная проводимость сохраняется.

Он не понимал слов «меридианы» и «проводимость». Знал только: сейчас в нём меняют что-то. Нечто должно было течь, как вода по руслу, а теперь русло перекрыто навсегда.

Они ушли. Оставили его на камне, в холодной комнате, с обугленной рукой и пустотой внутри. Он не плакал. Слёзы кончились ещё в середине пытки. Он просто лежал и запоминал. Лица. Голоса. И делал выводы.

«Никто не придёт. Никогда».

Он ошибся. Через несколько часов дверь отворилась, и

кто-то сунул ему в ладонь тёплую лепёшку.

— Ешь, — сказал незнакомый голос. — И уходи. Пока они не вернулись.

Он не запомнил лица. Только тепло лепёшки и скрип закрывающейся двери.

«Это ничего не значит. Это для того, что почувствовать себя благодетелем. Или не хотели, чтоб я тут сдох».

Он съел лепёшку, с трудом поднялся и вышел в ночь. Рука болела, но он заставил себя не обращать внимания. Шёл, пока не упал. Полз. Снова шёл.

С этой ночи он перестал верить людям. Что если тебе пообещали работу, то ты получишь работу, а потом плату. А не раскалённое железо. Он выжил — и поклялся: никто больше не сделает ему больно. Никто. А если кто-то попытается — он сам выжжет им меридианы. Будет смотреть, как они корчатся. И получит удовольствие.

Глава 1. Опустошённый

Сюэ Лэн попал в Орден Сияющего Огня через несколько дней после того, как ему выжгли руку. Его нашли, схватили и приволокли. Даже не спросили — просто взяли. Он брыкался, кусался, плевался — бесполезно.

В Ордене его сунули в чистую комнату, дали горячей похлёбки, новую одежду. Человек с пустыми глазами — Су Мин — сказал:

— Будешь делать, что скажут, — будешь жить. И учиться. Хочешь стать сильным?

Су Мин. Он запомнил это имя ещё в подвале. Теперь этот человек стоял перед ним и обещал силу. «Ты думаешь, я твой инструмент, — подумал Сюэ Лэн, глядя в его пустые глаза. — Ничего. Я выжму из вас всё. А потом уничтожу. Всех».

Сюэ Лэн промолчал. Но похлёбку съел — жадно, с вызовом, не стесняясь хлюпать. И одежду надел: пусть думают, что он остаётся.

Через неделю, когда ему впервые показали, как управлять ци, он усмехнулся. Это было легко. Проще, чем воровать на рынке. Проще, чем драться за объедки.

«Я буду сильнее всех. А потом посмотрим, кто кому будет приказывать».

Годы шли. Он учился жадно, впитывая всё, что давали, и

многое из того, что не давали. Запретные техники, тёмные ритуалы, способы подчинения воли — он находил их сам: в старых свитках, в разговорах с теми, кто готов был делиться за страх или за выгоду. Но и как выживать в трущобах не забывал. Когда стены начинали давить — уходил в нижний город, чтобы не терять форму.

Он быстро усвоил главное: ци не бывает светлой или тёмной от рождения. Она становится такой от того, что с ней делают. Ордена называли «тьмой» всё, что не вписывалось в их уставы, но сами использовали те же техники, прикрываясь «высшей целью». Лицемерие. Впрочем, Сюэ Лэна это устраивало: пока они притворяются, он может делать что хочет.

Но одна вещь оставалась неизменной. Его правая рука. Та самая, которую выжгли в детстве. Меридианы на ней так и не восстановились до конца. Пальцы не сжимались в кулак. Всегда оставался зазор — слабость, которую он ненавидел лютой ненавистью. Чертить печати и держать нож он научился левой.

Иногда, оставаясь один, он пытался сжать кулак. Пальцы дрожали, но не слушались. Он смотрел на них и чувствовал, как внутри поднимается знакомая холодная злоба. Та самая — из подвала. Из детства. Из всех моментов, когда он был слабее, а мир это использовал.

Он был не единственным, кого взяли с улицы. В Ордене хватало таких, как он: бывших беспризорников с искалеченными меридианами. Их было около дюжины — всех взяли

примерно в одно время. Наставники не скрывали: выживут сильнейшие. Слабых уводили — никто из них не возвращался.

Сюэ Лэн понял правила быстро. Не просто быть лучшим — стать незаменимым. Он дрался, когда требовалось; уничижал соперников словом, если хватало слов; а если не хватало — ждал, пока они ошибутся сами, а когда нужно — подталкивал. Его боялись. Уважали? Вряд ли. Но с уважением он готов был и подождать.

Друзей он не искал. Он видел, как «друзья» предают, когда на кону лишняя порция или место в тренировочной группе. Да и сам не подпускал никого близко: того раза в подвале было достаточно, чтобы усвоить — доверие убивает. Остальные были не лучше. Те, кто пытался к нему подлизаться, делали это из страха или расчёта. А те, кто ненавидел, — ненавидели молча, потому что открытая вражда с ним была опасна.

Он видел, как наставники сталкивали учеников лбами, чтобы проверить, кто выживет. Видел, как поощряли доносы, предательство, подставы. Это называлось «адаптацией к реальному миру». Сюэ Лэн впитывал эти уроки, как губка.

Воспитанники редко говорили о прошлом, как и он сам, но Сюэ Лэн умел слушать. Он ловил обрывки фраз в столовой, случайные оговорки на тренировках.

«...говорят, они сами калечат, чтобы потом подобрать».
«Заткнись. Хочешь, чтобы с тобой случилось то же, что

и с Чжанем?»

Сюэ Лэн помнил лица тех, кто прижигал ему руку, и помнил, как быстро его нашли и приволокли сюда.

Однажды Су Мин вызвал его в подземный зал, где хранились старые, почти забытые дела. Он стоял у стеллажа, перебирал свитки и, не глядя на вошедшего, бросил:

— Разбери архив за прошлое десятилетие. Всё, что касается «подавления одарённых беспризорников». Старые дела, которые требуют... особой аккуратности. Составь отчёт.

Сюэ Лэн насторожился. Такие задания обычно давали младшим писарям, не ему. Но Су Мин уже вышел, оставив его одного в пыльном полумраке.

Он взялся за работу. Перебирал свиток за свитком — скучные отчёты, списки. И вдруг замер. Дело о «подавлении» в таком-то квартале такого-то города. К свитку были подколоты портреты — грубые, но узнаваемые. С них смотрели лица, которые он не забыл. Тот, с амулетом. Тот, что держал его за плечи. Тот, что прижигал раскалённым железом. И кто заманил в переулок. Имена палачей. Все из них имели фамилию Чжу.

Внизу под списком имён стояла печать. Золотой символ огня в круге — печать Ордена.

Пальцы сжали свиток. Вот они. Те, кто держал его на каменной плите и прижигал меридианы раскалённым железом. Пыльный воздух архива словно стал гуще. Су Мин дал ему это задание не просто так. Знал, что Сюэ Лэн найдёт свиток.

Он отложил свиток. Су Мин специально подsunул ему это задание, как кость голодному псу, чтобы тот сделал за них грязную работу. Он сжал левую руку так, что ногти впились в ладони. Хотелось перевернуть стол, разбить что-нибудь, пойти и высказать Су Мину всё в лицо. Но он сдержался. Не сейчас. Не так.

Заставил себя дышать ровно.

«Пусть. Они думают, что я просто орудие. Но и я получу то, что хочу. А они мне ещё заплатят. Не сейчас. Потом. Когда я стану сильнее».

Он аккуратно переписал имена, вернул свиток на место и составил отчёт — сухой, без единого лишнего слова. Внешне — идеальный исполнитель. Внутри — клубок из мести, обиды и холодной, расчётливой злобы.

Су Мин, принимая бумаги, даже не взглянул на него. Только бросил:

— Свободен.

«Он знал, кого я ищу. Знал, кто были те люди. И решил использовать именно сейчас».

Сюэ Лэн вышел. Теперь у него был список. И план. Он не будет торопиться. Выждет, изучит их маршруты, привычки, слабости. А когда придёт время — ударит так, чтобы никто не связал это с Орденом.

Месяцы подготовки пролетели как один напряжённый день. Он выучил поместье до последнего камня: когда меняется охрана, где спят слуги, в каком часу глава рода пьёт ве-

черный чай. И когда всё было готово, он просто вошёл в ночь.

Талисман тишины лёг на ворота мягкой, душной ватой — ни крика, ни звона металла. Ещё один, морок, укутал сторожевую вышку туманом: часовой смотрел вниз и видел пустой двор. Талисманы забвения активированы.

Первым умер стражник у ворот — даже не вскрикнул. Вторым — старший сын, захлебнувшийся кровью в собственной постели. Сюэ Лэн методично двигался от комнаты к комнате. Он выполнял работу. А внутри, под холодной коркой расчёта, kloкотало торжество. Глухое, тёмное, почти детское: «Я дождался. Я сильнее. Я пришёл».

В коридоре он столкнулся с женщиной. Она вышла на шум — заспанная, в одной ночной рубаше, — и замерла, увидев его. Прижав ладонь ко рту, словно не могла поверить, что это происходит. Потом ноги подломились, она рухнула на колени и вцепилась в его сапог — не чтобы остановить, а от бессилия, от невозможности принять происходящее.

— Пощади... — выдохнула она. — Прошу...

Сюэ Лэн брезгливо, почти лениво пнул её, как досадную помеху, — и пошёл дальше по коридору, к следующей двери.

Женщин он не трогал. Не из жалости — просто не видел смысла.

Он активировал последний талисман забвения. Дешёвый, одноразовый, из тех, что стирают последние полчаса, не больше. Если проснулись остальные — им хватит. Они забудут его лицо. Забудут, как он шёл по двору. Останутся толь-

ко трупы и кровь.

Стоя посреди двора, весь в чужой крови, он ликовал. Орден устранил неуютный род его руками. Он получил месть. Все в выигрыше.

И тут из тьмы вышли двое.

Первый — в белом. Молодой, с мечом, который он даже не обнажил. Второй — в тёмно-синем, с рукой на рукояти, готовый рвать глотку. Сюэ Лэн не знал, откуда они взялись — вероятно, были недалеко и почувствовали колебание ци от множества смертей.

Тот, в тёмно-синем, дёрнул первого за рукав и что-то резко, но тихо сказал. На его рукаве Сюэ Лэн заметил вышитый серебряный узор — знак праведного ордена. «Монастырь Белых Снегов», — мелькнула мысль. — Пригодится».

Сюэ Лэн перехватил взгляд заклинателя в белом. Слишком знакомый. Так глядели на него в детстве, когда он рылся в отбросах. От таких взглядов всегда хотелось ударить первым.

— Все эти люди убиты, — сказал заклинатель в белом. — Ты должен понести ответственность.

«Праведник, — понял Сюэ Лэн. — С такими лучше не спорить — просто держаться подальше».

Сюэ Лэн был вымотан. Этих двоих ему не одолеть даже в нечестном бою, а честный бой он никогда не любил. Он метнул дымовую шашку, активировал заготовленный талисман и исчез в ночи, оставив их с пустыми руками и залитой

кровью усадьбой за спиной.

Кто-то из них — кажется, тот, что в тёмно-синем, — бро-
сился следом, но не успел.

Орден, конечно, узнал. Су Мин вызвал его на следующий
же день. Сюэ Лэн вошёл в кабинет, ожидая чего угодно —
обвинений, наказания, может, даже казни. Но Су Мин про-
сто сидел за столом и перебирал бумаги. Когда он поднял
глаза, в них было удовлетворение.

— Орден ценит твою инициативу, — сказал он.

Сюэ Лэн молчал.

— Правда, есть нюанс, — Су Мин развернул свиток, ле-
жавший перед ним. — Кое-кто заметил тебя на месте. Двое
заклинателей — Линь Юй из Школы Белого Лотоса и Хань
Фэн из Монастыря Белых Снегов. Они дали показания. Опи-
сали твою внешность. Твои... методы. Мы это уладили.

— Я вам должен?

Су Мин чуть улыбнулся.

— Нет. Пока мы в расчёте. Но... — Су Мин сделал паузу,
— мы видели твои наработки. То, чем ты занимался по но-
чам, когда думал, что никто не смотрит. Контроль сознания
— ты ведь этого добиваешься, верно?

Сюэ Лэн промолчал, но пальцы невольно сжались в кулак.
За ним следили.

— У нас есть закрытая секция библиотеки. Трактаты, ко-
торые не показывают даже старшим адептам. И полигон для
испытаний. Взамен — ты создашь то, что нам нужно.

— Солдат, — медленно произнёс Сюэ Лэн, уже понимая.

— Солдат, которые не чувствуют боли. Не боятся. Не предадут.

Сюэ Лэн смотрел на Су Мина и думал: «Они хотят меня использовать. Пусть. Я использую их первым — их библиотеку, их ресурсы, их полигон. А там посмотрим, кто кого».

Так он получил лабораторию.

Работа поглотила его целиком. Он зарылся в запретные труды с головой. Дни и ночи слились в один бесконечный поток иероглифов, схем, расчётов. Ему приносили еду — забывал есть. Напоминали о сне — отмахивался. Формула Метки Подчинения рождалась в муках, но когда сложилась — он почувствовал торжество. Технически это было гениально. Оставалось проверить на живых.

Первый эксперимент — приговорённый убийца — едва не провалился. Сюэ Лэн злился, менял формулы, усиливал печати. Беглый крестьянин, пленный солдат, охотник, пойманный за браконьерство... Один за другим они ложились на алтарь и умирали, так и не став идеальным оружием.

А потом был семнадцатый. Или двадцать седьмой — он сбился со счёта. Тело замерло, повинаясь каждому слову. Боль, страх, голод — никакой реакции. Только подчинение.

— Улыбнись, — сказал Сюэ Лэн.

Опустошённый растянул губы в неестественной улыбке. Сюэ Лэн смотрел на это лицо и чувствовал удовлетворение. «Я создал идеальное оружие».

Он не заметил, что его собственная улыбка выглядит такой же пустой. Впрочем, времени замечать такие мелочи у него не было. Орден время от времени давал ему «полевые задания» — для удовольствия или чтобы напомнить, кто здесь хозяин.

Однажды ему поручили Монастырь Белых Снегов. Сюэ Лэн помнил тех двоих, что пытались задержать его после резни рода Чжу. Один из них, Хань Фэн, учился там. «Хорошо. Пусть знают». Сюэ Лэн, обещая Су Мину, что дело будет сделано, чувствовал, что всё идет, так как нужно.

Операция была просчитана заранее. Ему дали карты. Ослабили внешнюю защиту. Остальное он сделал сам.

В Монастырь он вошёл как паломник, один из десятков, что приходили к святыням каждый день. Иллюзия на глаза и «сломанная» рука, и никто не заподозрил. Три дня он жил среди них, изучал распорядок. На четвёртую ночь спустился к общему колодцу и вылил в воду три флакона. Даже не яда. Всего лишь снотворное без запаха. К утру половина Монастыря не проснулась. Вторую половину он добил печатями — расставил талисманы разрушения с отсрочкой: в трапезной и общих залах. И ушёл.

Когда стены рухнули, он был на холме, в стороне, и видел, как Монастырь перестает существовать. И вдруг понял, что не чувствует удовлетворения. Попытался вызвать в себе хоть искру — вспомнил лица тех двоих, их отвращение. Ничего. Попытался разозлиться. Не получилось.

— Ладно, — сказал он вслух, но голос прозвучал как чужой. — Не важно.

Развернулся, спустился с холма и прошёл мимо руин Монастыря к выходу из долины. Он не стал добивать тех, кто мог выжить — не видел смысла. Без Монастыря они были никем.

Он не думал, что уцелевшие бросятся в погоню. Но один бросился. Сюэ Лэн услышал его на тропе: в тёмно-синем ханьфу, он шёл быстро, почти бежал — догонял. Одежда обгорела, лицо в саже и крови, но шаг твёрдый, дыхание ровное. Воин. Не сломленный — взбешённый.

У выхода из долины Сюэ Лэн остановился и развернулся. Тот уже стоял перед ним, перегораживая путь. Глаза горели ненавистью. Сюэ Лэн узнал его. Тот самый, в тёмно-синем. Который не сводил с него глаз, пока его напарник читал мораль. Хань Фэн из Монастыря Белых Снегов.

— Ты заплатишь за это, — с ненавистью выдохнул тот.

Сюэ Лэн окинул его взглядом — оценивающе, потом усмехнулся — холодно и почти лениво:

— Я обещал, что уничтожу твой монастырь.

Он сделал шаг в сторону, обходя праведника по кругу, и добавил:

— А свои обещания я всегда выполняю.

Сюэ Лэн увидел, как дрогнули пальцы того на рукояти, и понял: сейчас ударит. Слепо и яростно. Тогда Сюэ Лэн шагнул вперёд — и швырнул в лицо противнику горсть песка,

подхваченного с тропы. Грязно? Конечно. Работает? Всегда.

Тот на мгновение ослеп, заморгал — и этого мгновения хватило. Нож вылетел из левого рукава, метя в бедро. Не смертельно — но больно, и нога подломится. Хань Фэн отбил клинок мечом — предсказуемо, как и любой праведник. И открылся.

Сюэ Лэн ударил ногой, в пах. Грязно. Надёжно.

Хань Фэн согнулся, хватая ртом воздух, но меч не выпустил.

Сюэ Лэн активировал талисман — дешёвый, одноразовый, из тех, что валялись в каждом подвале Ордена. Едкий дым ударил в лицо Хань Фэну, выжигая глаза хуже песка. Тот закашлялся, взмахнул мечом вслепую — Сюэ Лэн легко ушёл в сторону.

— Твой Монастырь, — произнёс он вкрадчиво, и Хань Фэн дёрнулся на голос, — учил тебя честному бою. А меня жизнь учила побеждать. Чувствуешь разницу?

Меч рассёк воздух там, где Сюэ Лэна уже не было. Он оказался сбоку, прижал ладонь к виску противника — тот попытался вырваться, но мышцы ещё не слушались после удара в пах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.